Вспоминая Григория Поженяна

Восьмидесятые, начало девяностых ушедшего века. Мы приезжали к нему на дачу в Переделкино каждый четверг. Григорий Михайлович жил там в одиночестве. Мы, тогда еще молодые люди: художник Юра Дьяконов, драматический актер Петя Кудряшов, моя девушка, чемпионка мира по самбо Ира Емельянова и я, грешный, начинающий журналист с дипломом физкультурного вуза. Еще на станции закупали закуску: красный лук, лимоны, соленые огурцы, кислую капусту и, естественно, «беленькую».

...Поженян любил молодежь. Мы посвящали его в свои новости. А он учил нас жизни.

В это время варилась картошка. Юра творил борщ. Красный лук поливался выжатым лимонным соком, а Григорий Михайлович чистил копченую скумбрию. Учил нас, салаг, как правильно разделывать рыбу. Как чокаться по-разведчески, бесшумно, соприкасаясь не стопками, а пальцами. Никто из нас никогда не позволял себе при нем перебирать лишнего.

...А было время, меж хвостов угрей

В капусте красной чесноки дремали.

Здесь, как народы, сосуществовали

Плоды земли и лакомства людей...

Наконец все это великолепие оказывалось на столе, и, после очередной рюмки, наш Гуру начинал рассказы о войне. Иногда, под настроение, читал. По праздникам, особенно на 9 Мая, компания расширялась. Приезжали Петр Тодоровский, Юрий Карякин, Евгений Рейн и другие небожители... Мы замороженно ловили каждое слово...

Юра, художник, расписал кухню морскими сюжетами. Вдалеке шумели электрички, в форточку вползал свежий загородный воздух. В этом поженяновском кубрике мы уплывали в прошлое...

До войны он стихов не писал. Учился в харьковской школе № 6, на Рымарской улице. Почти все его одноклассники с войны не вернулись. В 39-м году, семнадцатилетним, он начал службу на флоте. Чемпионом флота по боксу стал еще в сороковом, до того как ушел в 1-й Особый диверсионный отряд, которым командовал подполковник Валеико, погибший в первой же десантной операции при переходе через Сухой Лиман под Одессой.

«Судьба моя очень проста, во многом схожа с судьбами людей, родившихся в двадцатые годы, – говорил Поженян. – Она, по сути дела, с самого начала упирается в войну. У меня такое ощущение, что всю послевоенную жизнь я возвращаюсь в те годы. Каждый раз в трудные минуты жизни еду в свое прошлое: в Севастополь, в Одессу. И это мне помогает. Видимо, и стал поэтом лишь потому, что хотелось воскресить тех, кто остался навсегда молодым».

Если б душа
отделялась от тела,
сколько бы чаек
ко мне прилетело.
Сколько бы ласточек
в окна влетало.
Сколько б коней
в дом тропу протоптало.
Если б душа
отделялась от тела,
я не ходил бы тайком
на Пастера,
в дом, где живут
все друзья неживые,
где не лежат
и цветы полевые.
Может, потом
и случится такое
там, за неслышной
подземной рекою,
на перевозе,
где лодочник желтый

знает, зачем
и откуда пришел ты.
Но на земле
не случается чуда.
Тот, кто погиб,
не приходит оттуда.
Были юнцами,
не стали старее.
Тех, что погибли,
считаю храбрее.
Может, осколки их
были острее.
Может, к ним пули
летели быстрее?!
...Дальше продвинулись.
Дольше горели.
Тех, что погибли
считаю храбрее.

А за ним и самим смерть ходила по пятам. После бесконечных ранений и госпиталей (в разведке за год почти полностью менялся состав) – Поженян опять возвращался в диверсионную группу.

«На войне есть много путей. Можно было и не напрашиваться в самое рискованное подразделение. Но поскольку я – хвостун, когда кадровик спрашивал о военной специальности, гордо отвечал: «Разведчик»».

В своих мемуарах адмирал Октябрьский часто вспоминал Поженяна: «Более хулиганистого и рискованного офицера у себя на флоте я не встречал! Форменный бандит! Я его представил к званию Героя Советского Союза, а он во время Эльтигенского десанта выбросил за борт политработника, обвязав канатами. И прокатил его в буруне. Жалоба в Верховный Совет. Замаячил трибунал».

Поженян: *«Мы выбрасывались с катеров, с моря, на немецкие береговые укрепления. Добрались до их окопов. Рукопашная, ножи. Возвратились на катер. А идеолог наш спит сном младенца. Отсиделся. Я его и полечил от трусости. Методом погружения в соленую воду. Трибунал затеять не вышло, но Героя не получил... Да, на войне свои законы. И философия своя, и мудрецы. Война научила меня не преувеличивать свои*

сложности, свои мозоли и боль, свои страхи, свои подвиги и таланты».

Одно из первых полученных заданий стало, пожалуй, самым опасным и сложным за годы войны. Обо всем этом он потом расскажет в своих поэмах и кинофильме «Жажда». Напомню: фашисты захватили Беляевку, село на берегу Днестра, где находилось водохранилище. Оттуда Одесса снабжалась водой, гитлеровцы перекрыли водопровод. Город задыхался от жажды.

Как-то я спросил Поженяна:

– Все события в фильме были подлинными?

– К сожалению, – ответил он. – Вся группа захвата, кроме нас двоих – меня и Арсена Зуца, погибла. Мы, по сути дела, были обречены. Это ведь в обиходе считается – захватить водокачку, дескать, пустяк. На самом деле воду в Одессу гонят подземными трубами из Беляевского водоканала, который стоит на берегу Днестра. Дать воду городу – значит, затопить котлы в машинном зале. Проникли туда, сняв часовых. Пошла вода – пошел дым из трубы. Так мы невольно себя «обнаружили». Горсточка людей в глубоком тылу врага. А как уходить?! Воду в Одессе давали по карточкам. Нужно было «держат» этот дым. Чем? Жизнями своими. Это самая трагическая операция в моей жизни. И, возможно, самая почетная. Все – другим.

Операция была тщательно подготовлена. К ней были привлечены только добровольцы. Лучшие из лучших. Шансы вернуться были слишком малы. Кроме того, с ними должны были идти рабочие, которым предстояло пустить механизмы подачи воды в ход. Первая вылазка оказалась неудачной. Они нарвались на немцев и, забрав раненых и убитых, вернулись в Одессу. Вторая попытка принесла результат. Но еще на подходе к водокачке Григорий был ранен. В интересах дела, чтобы не иметь лишней обузы, да и просто дать шанс товарищу выжить, его в бессознательном состоянии, забросав землей, оставили в камышах возле канала. Уже после затихшего боя Поженяна нашла местная жительница и выхаживала до тех пор, пока боец смог самостоятельно передвигаться. Он вышел в море на лодке в поисках своих, через несколько суток Григория подобрала матросы Дунайской флотилии.

Его имя в числе других тринадцати имен моряков-разведчиков выбито на мемориальной доске в Одессе, на улице Пастера. Тут в годы войны находилась их диверсионная школа. Отсюда отряд морской пехоты и вышел на задание.

«У меня такое ощущение, что вся моя жизнь складывалась из сплошных десантов. Десант в Эльтиген, в Керчь, в Гленку, в Жуковку, в Новороссийск... Среди разведчиков было много спортсменов. Разведчик, занимающийся диверсиями, должен уметь пройти за ночь столько, сколько нужно. Стрелять с обеих рук, уносить на себе раненых, завязывать бой в траншее, брать «языка», владеть самбо и рукопашным боем. Взрывая мосты, нужно, побеждая инстинкт самосохранения, ждать, пока догорит до конца бикфордов шнур, и только потом, раньше взорванной фермы, уйти в воду».

...Ни продуктов, ни шифра, ни грязи,

Не хочу ни сейчас, ни потом...

Мне сказали: «Взорвете понтон

И останетесь в плавнях для связи».

И остался один во Вселенной,

Прикоснувшись к понтону щекой

Восемнадцатилетний военный

С обнаженной гранатной чекой...

«А еще нужно научиться бесшумно вынимать ногу из болота, торить первым лыжню – в очередь. Как это было, когда пришлось воевать шесть месяцев в составе 67-й морской бригады в Карелии. И мы, и противник держали круговую оборону. Флангов не было. В разведку уходили на несколько суток. Холода стояли жестокие. Но на пути между нами и позициями финнов находился пустующий домик рыбака. Когда его занимала финская разведка, а это определялось по дымку, идущему из трубы, мы туда не лезли. Когда, в свою очередь, мы там располагались на отдых, финны не тревожили. Не подстерегали друг друга разведчики и на выходе. Мы старались не сталкиваться лбами, бой был не нужен ни нам, ни им. «Языка» обычно брали в тылу противника».

Однажды к Поженяну – командиру взвода разведки – в палатку заглянула девушка, которая растапливала печь в штабе дивизии.

– Гриша, можешь за меня заступиться?

– А что случилось?

– Ко мне особист пристаёт, чтобы я с ним спала. А он мне не нравится, он старый, ему за тридцать. И потом, я – невинная.

– Ладно, разберемся.

Вызвал особиста на разговор. А тот в амбицию: «Вы что себе позволяете, товарищ лейтенант! Вы как со старшим по званию разговариваете?»

– Знаешь, майор, я тебя тоже предупредил. Я слов на ветер не бросаю.

Особист продолжал домогаться к девушке. И как-то раз, когда отошел он за кусты в

сугробы «по тяжелому», поженяновские матросики и взяли его наподобие «языка». И оставили с голой задницей на морозе. Минут через десять «нашли». Конечно, майор никого опознать не смог. Брали в темноте и умеючи. Начальство расследовало это дело. Никто, разумеется, ни в чем не признался. Тем не менее особиста перевели в другую часть, а Поженяну (по почерку догадались) вкатили взыскание. Но чем особенным можно наказать разведчика, который и так постоянно смотрит смерти в глаза, уходя в глубокий тыл врага...

Он воспитывал окружающих его людей убедительностью своей личности. «Пообещал – приди. Договорился – будь. Все преодолей и останься самим собой». Или вот разговорились как-то о писательском труде. Григорий Михайлович объяснял, как надо писать очерк.

«Пиши свободно. Как будто приходишь в гости к давно знакомой бабе. В один угол бросил пиджак, в другой – штаны, носки – под стул. Но в конце концов перед уходом, ты должен будешь все это аккуратно собрать».

Вот так, буквально на пальцах. Зато доходчиво.

Мы любили своего учителя. А он любил нас. Нам разрешалось оставаться на ночлег. Всем хватало и комнат, и постелей. Когда уезжал в командировку или санаторий, оставлял нашей маленькой коммуне ключи. «Дружба – понятие круглосуточное».

Меня он учил читать стихи. Сам читал впечатляюще. То опуская голос до идущих в наступление низов, то поднимаясь вверх к по-детски беззащитному тенору.

«Поэзия живет не в строках, а между строк, поэтому и читают поэты нараспев. Мысль не заканчивается, за нею воздух»...

Актеру Пете объяснял, что надо беречь мягкость глаз и жесткость губ. Юриным картинам устраивал подробный искусствоведческий разбор. Настаивал на большей образности. А чемпионку по самбо, рослую, стройную, красивую Иру – сам невысокий и

коренастый – по-отцовски, нежно любя, называл «Сооружением». Возможно, она напоминала ему девушек, воевавших на фронте.

После войны его выгнали из литинститута и осудили условно за незаконное хранение оружия – наградного пистолета, полученного за храбрость. Подтверждающий документ затерялся где-то в общежитии. На суде он читал стихи:

На нем запекся мой кровавый след.

Я с ним тонул, вползал в болотный студень.

И вот теперь, за этот пистолет,

Моя страна меня же и осудит.

Дали три года условно. А потом пришла телеграмма на правительственном бланке от члена Военного Совета Балтийского флота вице-адмирала Азарова с подтверждением о наградном оружии.

На этом его приключения не кончились.

Поженян: *«Подоспела новая беда. Вызвал меня к себе секретарь парткома – наш военрук Львов-Иванов.*

– Ты человек беспартийный, но бывший воин, – сказал он, разрезая ладонью воздух. – Космополитизм у нас начался. Учитель твой – известно кто, понимаешь?

– Понимаю.

– Ну вот, молодец. И выступи. И Друнина выступит. И Солоухин. И Василий Федоров. Ты – человек нерусский. Это углубит вопрос.

– Хорошо. Я выступлю, – жестко сказал я.

И выступил. В защиту Павла Антокольского – нашего учителя. «Разве можно плевать в грудь, из которой сосешь?» И выгнали меня из института и из комсомола. А товарищи мои, кроме Юрия Трифонова, тоже дали мне «должную оценку». В завершение вызвал меня к себе в кабинет ректор Федор Гладков, автор «Цемент»::

– Чтобы ноги твоей в институте больше не было!

Я встал в стойку и на руках вышел из кабинета.

А из комсомола исключили с простенькой формулировкой: «Небрежное хранение комсомольского билета».

Билет я не отдал. Взял в одну руку деревянный рундучок (с ним демобилизовался), положил в него книги любимых поэтов, рукописи и два эспандера (вещей у меня не было). В другую руку взял свою вечную подругу – двухпудовую гирю. Много лет спустя в Малеевке Женя Евтушенко подшутил надо мной, нанял водопроводчика-забулдыгу и попытался эту гирю украсть. В чем в тот же день покаялся письменно. Пожелтевший от времени документ – храню.

Переночевал, попивая с Юрой Трифоновым и братьями Маренковыми (с ними я шесть месяцев работал в выездном цирке в акробатическом номере «Шары»), и... уехал, завербовавшись котельщиком на Кенигсбергские верфи, на завод «Судохладмонтаж».

В той новой жизни пришлось ему все осваивать заново. Он учился, пристегнувшись ремнем, варить швы на высоте, совмещая профессию верхолаза и сварщика. Стихи не писал. А пил много...

Новым надежным другом Григория был Валентин, бывалый работяга и наставник изгнанника в гражданских профессиях. Кстати, он был уверен, что Гриша врет про свое умение писать стихи.

Грозою верфи был здоровенный кузнец, которому с зарплаты все обязаны были «проставляться». Валентин предупредил: «Поставишь кузнецу один раз, будешь поить его с каждой зарплаты. Ты же боксер. Лучше сломай ему челюсть».

Сказано – сделано. Вместо выпивки громила получил апперкот в подбородок и был отправлен в больницу. Когда его выписали, на выходе из стационара его встречал наш бывший боксер. «Хочешь, еще раз сломаю челюсть?» Кузнец благоразумно отказался. Аппетит пропал.

Поженян: *«И все же я, слабый человек, не выдержал и однажды отнес свое давно написанное стихотворение в местную газету. А они, наивные люди, обрадовались. Дескать, как здорово, паренек из рабочего класса принес в газету неплохие стихи. Но совесть заговорила, и, когда стихи уже были в наборе, я признался главному редактору, кто я есть на самом деле. И он, мужественный человек, не струсил, опубликовал их. Валентин это событие прокомментировал так: «Работал я с тертыми людьми. Со всякими общался. Но чтоб так списать, чтобы эти ученые в газете не заметили... Он так и не поверил, что стихи мои.»*

Умер Сталин. Меня во всем оправдали и везде восстановили. Но это уже другая история».

Григорий Михайлович ушел от нас в 2005 году. Каждый год 9 Мая его друзья (из тех, кто остался в живых) собираются на Переделкинском кладбище. Поминаем. Ира приносит корзину с теми же закусками, что когда-то по четвергам...

Ох уж эта клятая война.

И не отошла, не обмелела,

Как земля безмолвная она

И живым, и мертвым надоела.

Константин ТИНОВИЦКИИ

(lgz.ru)